

Большой театр — 1998. — 18 июня (№ 17)

Лауреат Государственной премии России

Маквала Касрашвили

О таких людях — такого таланта, такой блистательной карьеры — обычно говорят «баловень судьбы». Но применительно к примадонне Большого театра Маквале Касрашвили лишь первое слово в этой, по-существу, тривиальной характеристике пригодно. Да, баловень, потому что дар Божий, столь щедро отпущенный ей — исключительной красоты голос «смуглого тембра» (характеристика Юрия Нагибина), музыкальность, артистичность, — ни у кого другого сегодня пока не вспомнишь. А вот судьба отнюдь не легка, не безоблачна. Признание таланта, мировая известность пришли не сами по себе.

Недаром говорят, что «человек — кузнец своего счастья». Прежде всего как истинный талант Маквала, на удивление трудолюбива. За необычайной мягкостью, покладистостью характера — натура сильная; упорство и неистребимая стойкость в достижении поставленной цели никогда не оставляют ее.

Всякое доставалось нынешней мировой звезде оперного искусства, прежде чем она нашла достойное ее таланту место под солнцем. Голос у нее прорезался рано. Голос от природы поставленный. В 13 лет поступила в Кутаисское музыкальное училище, но тут-то и начались беды. Стали подправлять природу, вносить коррективы в постановку голоса и дошли до того, что она начала петь все хуже и хуже и в конце концов даже едва не потеряла его. А страсть к пению была непреодолима, и Маквала приняла решение поехать в Тбилиси и поступать в консерваторию в класс известнейшей певицы и педагога Веры Александровны Давыдовой.

Легко себе представить, каким ударом стало для девушки, озаренной мечтой о профессии оперной певицы, когда Вера Давыдова отозвалась о ней как о «безголосом ящике». Сегодня просто комично вспоминать о таком конфузе, однако это подлинный факт. Слава Богу, убийственная характеристика не нашла подтверждения. Профессора Давыдову уговорили принять девушку в консерваторию, Давыдова взяла ее в свой класс, и очень быстро результат не преминул сказаться. А дальше, как и всегда в жизни, светлые и темные полосы сменяли друг друга. На одном из консерваторских экзаменов присутствовал заведующий оперной труппой Большого театра, в прошлом известный оперный певец Анатолий Орфе-

нов. Голос Касрашвили его покорила, и он посоветовал студентке попробовать в стажерскую группу главной оперы страны. С этого и началась карьера Касрашвили.

Стажер, солистка — естественно, всякое бывало, особенно в такой сложной труппе, как в Большом. Получить партию, выйти к зрителю на прославленной сцене — отнюдь не часто доводилось. «Соперницы» ревниво относились к молодому таланту, следили за очередностью — не перебежала бы дорогу.

Правда, поддержку, и весьма ощутимую, Маквала получила: ей повезло работать с Галиной Вишневской и Мстиславом Ростроповичем. Оба они очень высоко оценили дарование молодой артистки, ее возможность. Неизгладимый след оставила подготовка с ними и Борисом Покровским партий Татьяны в «Онегине» и Наташи в прокофьевской «Войне и мире». Ростроповича привлекала «аристократичность вокального стиля» юной певицы. А сама Маквала назвала эту работу с мастерами высшего класса «академией вокально-сценического искусства». Да, замечательная пора выпала на ее долю. Но, увы, счастье было так близко и так недолго. Выдающуюся «семейную пару» выдворили из страны, а вскоре и Покровский ушел из Большого и занялся своим маленьким, очень маленьким Камерным театром в подвальчике. По словам Маквалы, она буквально осиротела, оставшись без мудрых, опытных советчиков, без заботливых друзей. Надо сказать, в истории с Вишневской и Ростроповичем она раскрыла свой чистейший, благородный облик: в отличие от многих так называемых их друзей и коллег

она не отвернулась от заклеянных общественностью «предателей Родины», продолжая испытывать глубокое уважение, сочувствие; при любой возможности старалась выразить им это, искала контакты с «отверженными». Кстати, от Галины Вишневской ей досталась «в наследство» партия Полины в опере Прокофьева «Игрок», и она прилагала все усилия, чтобы достойно нести эту эстафету.

Верность, преданность, доброта — человеческая сущность Маквалы. И, конечно, именно этим отмечено ее творчество. Иначе и быть не может: творчество, в любой форме его проявления, беспощадно разоблачает истинное нутро его создателя. Тут не спрячешься ни за какие красоты стиля, блистательные приемы, изощренные краски. В какую бы одежду ни рядился художник, он таков, каков его внутренний мир, его духовная жизнь. Потому и любима Маквала, потому снискала певица огромную армию ценителей, почитателей, страстных поклонников — не только за замечательный голос, сценический талант, но и за добрейшее, чуткое сердце.

После исполненных ею первых ролей в Большом театре — Графини в «Свадьбе Фигаро», Микаэлы в «Кармен», Татьяны в «Онегине» — артистка накопила огромный репертуар. Да, пожалуй, все партии лирико-драматического сопрано в операх, шедших здесь за это время. К этому прибавились и спектакли, осуществленные в других прославленных театрах мира, куда ее стали приглашать. В конце 70-х годов состоялся дебют певицы в «Метрополитен-опера» — ее увидели зрители в образе Татьяны в «Евгении Онегине» и пришли в восторг. Был в ее биографии период, на мой взгляд, несколько «щепетильный», когда она за рубежом пела чаще и больше, чем на родной сцене. Слава Богу, это неловкое положение выровнялось.

Даже число оперных партий, имеющих в творческом багаже Маквалы Касрашвили (более 20), а к этому надо прибавить концертный репертуар — огромный, разнообразный (замечу в скобках — почти весь Шостакович) — все это говорит о могучем, блестящем таланте. И то, что ее имя появилось в списках лауреатов Государственной премии России за 1997 год, свидетельствует о вкладе Маквалы Касрашвили в сокровищницу отечественной музыкальной культуры.

Мариам ИГНАТЬЕВА.